

Сергей Михайлович Беляев

Властелин молний

Сергей Беляев

Властелин молний

1947

Беляев С. М.

Властелин молний / С. М. Беляев — 1947

Сергей Михайлович Беляев (1883-1953), по профессии врач, начал заниматься литературной деятельностью с 1905 года. Писал очерки, рассказы, после революции сотрудничал в РОСТА. Первое крупное произведение его «Заметки советского врача» вышло в свет в 1926 году. Затем последовали научно-фантастические романы «Радиомозг» (1927), «Истребитель 2Z» (1939), «Приключения Сэмюэля Пингля» (1945), «Десятая планета» (1945), «Властелин молний» (1947) и другие, ставшие в настоящее время уже историей становления научно-фантастического жанра, однако не утратившие своей занимательности.

Содержание

ЧАСТЬ 1	5
I. «Доброе утро!»	5
II. КОЛЬЦО	8
III. Огненные бусы	11
IV. Грозовая ночь	13
V. Грохотов	15
VI. Полевая станция ЭИВР	18
VII. Опять огненные бусы	21
VIII. Исчезнувшая антенна	25
ЧАСТЬ 2	28
IX. Среди снеговых гор	28
X. Странное сооружение	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Сергей Беляев

Властелин молний

ЧАСТЬ 1

ЖИЗНЬ ЗАГАДЫВАЕТ

І. «Доброе утро!»

Тот, кто хотя бы проездом бывал в городе Светлом, знает площадку над Зеленым озером, откуда открывается чудесный вид на изумрудные волны и на очаровательные холмы, поросшие могучими соснами. Вдали, на самом горизонте виднеются контуры гор, снеговые вершины которых сияют сквозь дымку палевых облаков, будто алмазы, покрытые тончайшей вуалью.

В ту весну я надолго собиралась покинуть мою родную горную тайгу.

С вокзала автобус доставил меня и мой тощий чемодан на пристань. Паром, который должен был переправить путешественников через озеро, запаздывал. Легкий завтрак со стаканом крепкого кофе в ресторанчике близ пристани занял у меня десяток минут. Сдав чемодан на хранение, я отправилась побродить по городу.

После реконструкции, которая развернулась здесь в послевоенные годы, город Светлый чрезвычайно разросся и похорошел. Меня поразили величественные новые здания, пышные цветники и скверы, где среди яркой зелени били фонтаны и ласково журчали небольшие водопады. Можно было подумать, что это курорт. А на самом деле ведь это один из промышленных городов, всем известный Светлый.

Густые рощи и парки разрезали город на несколько частей и зелеными каскадами сбегали к зеркальной глади озера. От пристани я прошла к одной из таких рощ, потом поднялась по лестнице. Ближайшей улицей, не останавливаясь перед заманчивыми витринами магазинов, добралась до знаменитой верхней площадки и оттуда долгим взором попрощалась с милыми горами. Среди них прошло мое детство.

Когда я, взволнованная и грустная, покидала площадку, уже кончились утренние часы, и теперь на улице лишь редкие прохожие попадались мне навстречу.

Признаться, я не сразу сообразила, что слова, которые внезапно донеслись до моего уха, относятся ко мне.

– Извините, осмеливаюсь побеспокоить вас, – сказал стоявший рядом незнакомый человек.

Занятая своими мыслями, я не могла понять, откуда он появился. Я пожала плечами:

– Не совсем понимаю...

Светло-серый костюм очень шел к моложавому лицу незнакомца. Я быстро окинула взглядом всю его фигуру, от мягкой фетровой шляпы до темно-желтых запыленных полуботинок. И, вероятно, тень улыбки скользнула по моему лицу, потому что человек мягко улыбнулся.

– Не сочтите мое поведение нахальством, – тихо произнес он. Улыбка осталась только в его голубых глазах. Тон голоса был умоляющим, почти смиренным, и тронул меня.

– Что вам надо? – спросила я и сдвинула брови, подумав, что надо держаться сурово и сухо.

Мы стояли около большого киоска, где молоденькая продавщица распределяла цветы по вазам, не обращая на нас внимания. Рядом, под развесистым платаном, была пустая скамья.

Человек взглянул на нее. Поймав этот мимолетный взгляд, я сделала несколько шагов в сторону. Мне совсем не хотелось получать приглашение присесть здесь с этим незнакомцем.

– Бывают в жизни положения, – очень искренне сказал человек, – когда один жест незнакомой девушки сможет помочь больше, чем усилия тысячи друзей. И я вас умоляю...

Он кивнул на противоположную сторону улицы:

– Видите тот симпатичный домик? Пожалуйста, подойдите к его двери. Вам придется подняться на три ступеньки и позвонить, два раза нажав кнопку. Вам откроют дверь. Скажите только: «Доброе утро!»

Мне оставалось лишь пожать плечами. Даже рассмеяться не могла я над этим предложением. Оно звучало слишком необычайно, если не нахально.

– Почему бы вам самому не нажать кнопку и не звонить, сколько вздумается? – сухо спросила я. – Можете сами поздравлять с добрым утром обитателей симпатичного домика, сколько вам угодно...

– Но я же объяснил, что бывают обстоятельства, когда... – не повышая голоса, перебил незнакомец.

– А я не хочу слушать, – жестко, сквозь зубы выговорила я и хотела идти своим путем.

Однако лукавый бес любопытства придержал меня на месте.

– Но... что надо говорить после приветствия, если меня впустят в домик? – неожиданно для самой себя пробормотала я.

– Вас не пустят дальше порога, – серьезно сказал незнакомец. – Клянусь, не произойдет ничего особенного. Вам не надо больше ничего говорить. Просто вам ответят на приветствие, а вы, вернувшись, передадите мне ответ. Я подожду здесь на скамейке. Вот и все.

Человек произнес эти слова с подкупающей искренностью. Он смотрел то на меня, то на окна домика с выражением такого ожидания, что я не смогла отказать. Очень глупо? Может быть... Но ведь это происходило так давно, когда я была еще совсем девчонкой.

– Хорошо, – слегка кивнула я.

– Благодарю вас, – поклонился он чрезвычайно учтиво.

Я перешла через улицу и обернулась. Незнакомец сидел на скамье и читал газету, развернув ее перед собой. На меня он не обращал внимания.

«Что за история? – подумалось мне. Все происшедшее походило на приключенческий роман. – В чем дело?..» Решила: если ответ из домика покажется подозрительным, немедленно сообщу куда следует. А если дадут записку – прочту.

Несколько кустов роз в палисаднике перед таинственным домиком аккуратно подстрижены. Гравий хрустел под моими дорожными ботинками. Три окна домика затянуты узорчатыми кисейными занавесками. Мне показалось, что занавеска на крайнем окне слегка вздрогнула. Я взбежала по ступенькам крыльца, где в щелях растрескавшегося бетона пробивалась молодая травка. Вот и кнопка звонка.

Я позвонила два раза. И тут мною овладело внезапное чувство неловкости. Что делаю? А если спросят, чего мне, собственно говоря, надо? Что отвечу? Но я была юна и легкомысленна. Решила – отвечу просто: «Простите, ошиблась». И откланяюсь. Пусть даже меня сочтут чудакой.

Сердце мое забилося, когда услышала легкий шум шагов за дверью и звук поворачивающегося ключа. Дверь приоткрылась. Через неширокую щель ничего не увидела, кроме обычной дверной цепочки, преграждавшей вход.

И тогда я сказала, признаюсь, с некоторым смущением:

– Доброе утро!

В ответ поверх цепочки ко мне просунулась тонкая женская рука в изящной черной нитяной перчатке. Пальцы этой руки держали что-то блестящее.

Машинально и я протянула свою руку, и вдруг на моей ладони очутилось золотое кольцо.

Я смотрела на кольцо с изумлением. Вот уж никак не ожидала такого ответа на мое приветствие! Когда же подняла глаза, дверь уже была закрыта. Не слышно было ни поворота ключа, ни шагов за дверью, как будто она и не открывалась.

Зажав кольцо в руке, я быстро повернулась и перебежала улицу. Она была по-прежнему пустынна. Только где-то в стороне двигались прохожие. Почему-то мне отчетливо врезались в память рука милиционера с поднятым жезлом на дальнем перекрестке и немолодой человек, прошедший мимо. Он, видимо, изнывал от жары и обмахивал свое пухлое белое лицо парусиновой кепкой.

Я приблизилась к сидевшему на скамье незнакомцу.

Лицо его было закрыто газетой.

– Посмотрите, что вам прислали, – с улыбкой, довольно громко произнесла я, ожидая, что тот встрепенется и поблагодарит.

Но человек сидел неподвижно.

– Вы, кажется, заснули? – спросила я, вплотную подходя к скамейке.

Но человек не двинулся. Я дотронулась до газеты.

Она медленно начала сползать с лица сидевшего, шурша скользнула по его коленям и упала на песок.

Я чуть не вскрикнула от ужаса.

Куда-то вдаль, мимо меня, смотрели страшные глаза мертвеца.

II. КОЛЬЦО

Это было так неожиданно, что на мгновение жестокий спазм сдавил мне грудь, и я еле перевела дыхание. На мгновение я застыла ошеломленная, но затем стала действовать.

Никогда раньше не подозревала я за собой такого самообладания, которое проявила вдруг при этом странном происшествии. Ноги мои как будто сами передвигали меня по тротуару, дальше от роковой скамейки. Цветочница в киоске, погруженная в какие-то счета и накладные, даже не взглянула на меня.

Как очутилась я на мраморной лестнице, ведущей вниз, не помню. Здесь было много прохожих, – прохладные аллеи рощ они предпочитали солнечным панелям жарких улиц.

Я шла, не зная куда.

Вот какую загадку загадала мне жизнь на первом же самостоятельном шагу! Надо обдумать все. Пойти заявить? Но кто поверит мне?

Я остановилась перед фонтаном, вокруг которого задумчиво дремали широкие листья водяных растений. Мелодичное журчанье фонтанной струи успокоило меня. И в голову пришло решение.

Быстро поднялась я по лестнице и очутилась на улице. Это была та же самая улица. Только теперь я шла к домику с другой стороны. Вот цветочный киоск. Цветочница вышла из него и оживленно разговаривала с покупателем. Он обмахивался парусиновой кепкой так яростно, как будто его одолевали тучи комаров.

Продавщица указала ему рукой вдоль улицы, и я невольно посмотрела туда же. Белая санитарная машина заворачивала на перекрестке мимо милиционера.

Подойдя к палисаднику знакомого домика, я через улицу взглянула на скамью, где умер неизвестный. Скамья пуста. Очевидно, труп увезли в морг. Человек, обмахивающийся кепкой, теперь держал в руках охапку только что купленных цветов и медленно двигался по направлению к пристани. Продавщица пересчитала на ладони деньги и скрылась в киоске.

Очень живо помню я все детали того памятного часа. Бесчисленное число раз бешено нажимала я кнопку звонка на крыльце домика. Но за дверями в ответ не слышалось ни звука. Казалось, домик необитаем. А ведь мне необходимо было выяснить тайну.

Оставив в покое звонок, я принялась стучать сначала кулаками, потом ногами... Хладнокровие оставило меня, и лишь благоразумие не позволило кричать. Махнув рукой, медленно начала я спускаться с крыльца.

– Где пожар? – раздалось за моей спиной. Вздвогнув, я обернулась.

Дверь широко распахнулась. На пороге стояла маленькая сморщенная старушонка и скрюченными короткими пальцами перебирала свой кухонный фартук. Она сердито смотрела на меня сквозь выпуклые стекла громадных очков.

– Доброе утро! – ответила я, старательно подчеркивая слова.

На старуху это не произвело никакого впечатления.

– Ну и что? – спросила она, разводя руками в искреннем изумлении. – Доброе утро! Но кого надо? Почему так безобразно стучите?

– Извините, – запинаясь, пробормотала я. – Мне необходимо сию же минуту видеть гражданку...

– Какую такую гражданку? – подозрительно прищурилась на меня старушенция.

– В черных перчатках, – пояснила я.

И, вероятно, в моем голосе прозвучал излишек таинственности, потому что старуха раскрыла рот от изумления.

– В черных, в нитяных, – продолжала я. – Она всего несколько минут назад... вот здесь... передала мне... Позовите ее, пожалуйста...

Старуха помотала головой:

– Ничего не понимаю. Вот здесь, говорите?

– Да.

– В черных перчатках?

– Да. Вручила мне кольцо... А я не могла передать... Он только что умер.

Старуха перешагнула через порог и посмотрела мне прямо в глаза.

– Вы что, милая, нервная или немножко не в себе?

Она повертела пальцами около своего морщинистого лба. Я вспыхнула.

– Мне здесь через порог дали кольцо, – твердо сказала я.

– И вы его хотите вернуть? – спросила старуха несколько мягче.

– Да... И передайте той гражданке...

– Я сунула руку в карман, ища кольцо. Его там не оказалось. Поискала в другом кармане.

Потом раскрыла сумочку. Старуха смотрела на меня с жалостью. Так смотрят на безнадежно больных.

– Где же кольцо? – прошамкала она.

Слезы сами собой навернулись у меня на глазах.

– Я, кажется, потеряла его.

Кривая усмешка поползла по сморщенному личику старушки:

– Ай-яй-яй... Такая молоденькая, а уже аферистка... Ой, батюшки мои... Не туда попала, голубушка! Иди прямо, потом налево, третий закоулок вправо, большая вывеска, психиатрический диспансер, – там рассказывай. А здесь, милая девушка, кроме меня, никто не живет и не жил никогда. Так и запомни. Прощай, ангел мой!

Дверь захлопнулась, скрыв ехидную старушку.

С минуту я стояла потрясенная. Снова перешарила по всем карманам и в сумочке. Кольцо потеряно. В недоумении я вытерла вспотевший лоб, стараясь вспомнить малейшие детали случившегося.

Может быть, ошиблась домиком? Нет, кольцо мне сунула рука в черной перчатке именно вот здесь. Рядом домики были без роз в палисадниках. Свежий гравий на дорожке рассыпан только перед домиком старухи. А на калитке другого, сходного с этим домика, висела предостерегающая надпись со зловещими словами: «Злые собаки».

Совершенно ясно, что кольцо мне передано именно из домика старухи. Но где я потеряла кольцо? Как это могло случиться?

Очень медленно, сохраняя на лице полнейшее равнодушие, я прошла мимо роковой скамейки. Можно сказать, что я обшарила глазами каждую песчинку дорожки, где произошла трагическая встреча. Но кольца не было видно. Его мог поднять любой прохожий.

В киоске я купила пунцовую розу. Вдыхая ее сладостный аромат и ожидая сдачи, я подумала было спросить у продавщицы, как было обнаружено мертвое тело на скамье рядом с киоском. Но странная нерешительность заставила меня промолчать.

Тихо шла я по улице, думая о происшедшем. Может быть, ничего и не было? Может быть, это только воображение?

На повороте улицы я увидела поверх деревьев кусочек Зеленого озера и клубы дыма. Над городом поплыл басистый призывной гудок. Паром приближался к пристани. И я поспешила туда.

По сходням двигался на посадку народ. На палубе парома стоял тот самый покупатель с белым пухлым лицом. Я узнала его по парусиновой кепке. Он перевесился через перила; в руках его алел пышный букет великолепных роз. Он купил их там, в киоске, около роковой скамейки...

Странное занятие придумал себе этот человек. Медленно обрывал он лепестки роз и пускал их по ветру. И в то же время искоса, будто небрежно, поглядывал на сходни.

Я взяла из камеры мой легкий чемодан. Через окно камеры увидела снова лицо этого человека, его вялый, будто усталый взгляд, обращенный на сходни. И тут мелькнула беспокойная мысль:

«Он видел, как я разговаривала с незнакомцем... Он следит за мной...» И эта мысль подсказала мне дальнейшее. В комнате для ожидания я быстро переменяла платье на темное, вынутое из чемодана. Перечесала волосы, выпустила их из-под берета пышными локонами. Спрятала сумку в чемодан. Посмотрелась в зеркало и попудрилась.

Теперь я более спокойно пошла к парому. Мне не хотелось, чтобы толстяк с розами заметил меня. Когда гигант носильщик с двумя огромными чемоданами на плечах загородил меня, я незаметно поднялась по сходням. Шла я очень скромно. Кто-то больно толкал меня, но я не протестовала. Не стоит обращать на себя внимание. Понятно, что пунцовую розу я оставила на пристани. Да, история с кольцом казалась сном, но следовало насторожиться.

Выбрав уютное местечко на палубе, я поставила чемодан рядом с собой и просидела здесь все два часа путешествия по Зеленому озеру. Любовалась приятной окраской волн и вдыхала влагу теплого ветра.

Человек в кепке прошел по палубе. По выражению его тусклых глаз я убедилась, что он не обращает на меня никакого внимания. Это успокоило. Я старалась не думать о трагической встрече. Но мысль о человеке, которому было послано кольцо, не покидала меня.

III. Огненные бусы

В то лето, покинув край родных таежных гор, я провела некоторое время на пасеке колхозного поселка, затерянного в степных просторах.

Меня чаровала прелесть молодого фруктового сада, наполненного жужжанием пчел. Дивны наши южные ночи! Звезды на темном небе кажутся крупными, как сортовые яблоки, и такими близкими, что хочется схватить их.

Я чувствовала себя усталой. Прислонившись спиной к теплой стене омшаника, отдыхала я на завалинке после дня, наполненного мелкими заботами, которые заставляли меня забывать о недавнем прошлом.

Ведь я была круглой сиротой. Следовало устраивать свою жизнь. Отец мечтал, чтобы его дочь занималась наукой. Но у меня были свои соображения о будущем. Однажды на школьном вечере я выступила с чтением своих стихотворений. Оглушительные аплодисменты восторженных подруг навсегда вскружили мне голову. После неожиданной смерти отца я продала все и уехала из родного района: мне было тяжело оставаться там. Было и еще одно обстоятельство, которое заставляло меня ехать. В столе отца я нашла большой запечатанный конверт, на котором было написано:

«Танюша! После моей смерти разыщи профессора Дымова и вручи ему этот пакет. Исполни эту мою последнюю волю. Будь счастлива. Прощай. Твой отец».

Сейчас я еще раз обдумывала мой план. Отдохну за лето, здесь, в тишине, подготовлюсь к экзаменам в театральную школу и к осени поеду в центр. Я была уверена, что на экзамене меня ожидают восторги и овации приемной комиссии. Потом буду разыскивать профессора Дымова, чтобы выполнить волю отца.

Ночь была безлунная, и при величественном мерцании звезд виднелись силуэты далекой рощи, которую опоясывала мелкая степная речонка. Ее воды нежно поблескивали дрожащими отражениями неба. У ног моих послушно лежали две собаки – Альфа и Омега.

Когда в направлении рощи мелькнул свет, я подумала, что это движется автомобиль. Но в том месте никакой дороги не было, и вряд ли кому нужно разъезжать по бездорожью в ночной степи.

Свет мелькнул опять. Теперь я заметила его странный голубоватый оттенок. Вот лучистое пятнышко взметнулось вверх и застыло в воздухе. У меня хорошее зрение, и я отчетливо увидела, что огнистый шарик как будто повис над рощей. Потом он прыгнул несколько в сторону, и вершины деревьев четким контуром обрисовались на фоне звезд. А сам шарик казался звездой, спустившейся с неба на рощу.

Приподнявшись с завалинки, я внимательно следила за странным красивым излучением. Оно пропало. Но через секунду у опушки рощи показалось несколько новых голубых светящихся шаров. Они плавно двигались по степи прямо ко мне. Через минуту исчезли все, кроме одного.

Я видела, как шар на уровне человеческого роста плыл над землей, источая сияние, которое все время меняло окраску. Он казался то нежно-голубым и прозрачным, то светло-синим.

Я слегка вскрикнула, собаки проснулись и залаяли.

Шар приблизился, и собаки подпрыгнули к нему. Но тотчас же с визгом отскочили и исчезли в саду. А я стояла, как зачарованная. Это было удивительно красиво: светящийся шар, величиной с большую чайную чашку, коснулся ветви яблони почти рядом со мной и повис на ней, словно фантастический плод. Золотисто-голубоватые капли отделялись от него и, как огнистая смола, с легким треском падали на землю.

Мне сделалось страшно. Я отбежала в сторону.

Вероятно, движение воздуха при этом коснулось таинственного шара. Он соскользнул с яблони, сердито шипя, и перелетел через мою голову. Обернувшись, я увидела, что шар сидит на печной трубе моей маленькой хаты.

А через мгновение он подпрыгнул и провалился в трубу.

И тогда окна скромной приземистой хатки внезапно осветились изнутри слабым желтым светом.

Я бросилась в хату. Там светло. Кто-то в комнате зажег огонь! Очень заметно чувствовался острый серный запах. Он заставил меня зажмурить глаза и раскашляться.

Раскрыв глаза, увидела, что на столе горит моя лампа, простая керосиновая лампа. Но я и сейчас готова поклясться, дорогой друг, что не зажигала лампы, перед тем как вышла посидеть на завалинке.

– Кто здесь? – громко спросила я.

Никто не ответил. В комнате, кроме меня, никого не было. Все на своих обычных местах. Стопка книг на полке. Крошечный комод с зеркалом. Фанерный шкаф, хозяйский сундук и стулья. Осторожно подошла я к печке и со страхом заглянула туда. Не сидит ли еще там огненный шар? Нет. Куда ж он девался?

Выйдя на крыльцо, огляделась, прислушалась. Тихо вокруг, только где-то среди ульев стрекотали цикады. В степи темно. Серая земля сливалась вдаль с рощей в однообразное полотнище.

Из-под деревьев с легким визгом выскочили собаки.

Альфа ласково потерлась о мои босые ноги, давая знать, что ей с Омегой хочется кушать. Это напомнило, что пора ужинать.

Еще засветло у меня готов чугунок с очищенной сырой картошкой. Надо только затопить плиту, и ужин скоро будет готов.

Чугунок чуть не выскочил из моих рук, когда я взялась за него. Хорошо, что быстро отдернула руки. Да, чугунок был горяч, как будто его только что вынули из раскаленной печки! Но ведь он мирно стоял до этого на табуретке у порога! Я подняла сковородку, прикрывавшую чугунок и... присела от удивления, да так и осталась сидеть на корточках со сковородкой в руках. При свете лампы увидела: чугунок полон отлично сваренной горячей картошки. А от воды, которую налила я под вечер в чугунок, не осталось и следа.

Поставив чугунок на стол рядом с лампой, с любопытством разглядывала я эти вещи.

Кто зажег лампу? И кто ухитрился сварить картофель?

Собаки вертелись около стола. Из чугунка вкусно пахло. Наслаждаясь горячей картошкой, я не переставала думать о таинственных вещах, которые только что произошли здесь. Долго думала...

Внезапно хлопнула оконная рама. Огонь дымным пламенем взметнулся в ламповом стекле. В хату влетел порыв ветра, чуть не сорвал ситцевые занавески.

По крыше забарабанили крупные дождевые капли.

Я выгнала собак кочевать в собачник и заперлась.

IV. Грозовая ночь

Никогда я не боялась гроз. Дома в детстве любила по ночам в грозу лежать в кровати и, слушая монотонный шум дождя, наблюдать, как за окном вспыхивают отсветы молний. При этом отсчитывала про себя секунды: «Раз, два, три, четыре...»

Когда раздавался гром, я множила в уме цифру секунд на триста тридцать и получала в метрах расстояние от себя до места разрыва молнии. Этому вычислению научил меня отец, любивший разные занимательные вещи.

Теперь над поселком бушевала хорошая гроза. Молнии вспыхивали за окнами непрерывно. И тотчас же раздавался треск разрывов, будто над крышей лопались бомбы. Иногда этот треск сливался в сплошной гул. Он заглушал порывы ветра, завывавшего в трубе.

Наконец гроза пронеслась, и я подумала о деревьях в саду. Не переломала ли буря яблони? Не залило ли водой улицы? Как это не укрыла я фанерой пчелиные домики! Вот будет жалко...

Только что спустила я ноги с кровати, чтобы взглянуть в сад, как ослепительная огненная нить внезапно вылетела из печки и ударила в угол комнаты. Нить как бы проложила путь. И тотчас же по нему непрерывным потоком хлынули голубые огнистые шарики. Они выскакивали из печки и, словно золотые блестящие бусы, нанизывались на невидимую нить. Они описывали в воздухе дугу, освещая странным дрожащим светом внутренность хаты.

Мне показалось, что огнистые шарики пронзают сундук, стоявший в углу. Я застыла, боясь шевельнуться. Внезапно один из шариков разорвался на множество искр с таким треском, будто у меня над ухом выстрелили из пистолета. Я опрокинулась на постель, теряя сознание.

...Через окна вползал утренний рассвет. В комнате удивительно свежий, бодрящий воздух. Полной грудью вздохнула я и совсем пришла в себя. Было такое ощущение, что прекрасно выпалась и видела очень занятный сон.

Распахнула дверь. Деревья, омытые дождем, нежились на солнце. Деловито гудели пчелы. Альфа с Омегой, виляя хвостами, умильно скулили передо мной. В тени деревьев еще стояли грязные лужицы, но на солнце заметно подсыхала земля, легкий пар курил над ней. Высоко в небе летали острокрылые ласточки, а роща за речкой зеленела так невинно и приветливо, что я подумала, не сном ли действительно было это видение огнистых бус. Смешно тогда рассказывать про ночные приключения соседям. Лампа потушена, картошка съедена. Чем можно доказать, что огненный шар забрался через трубу в хату и занимался здесь хозяйственными делами?

Сундучок в углу не носил на себе никаких признаков соприкосновения с огневыми шариками.

Я открыла его: внутри тоже не было ничего необыкновенного.

Но мне хотелось все-таки убедиться, почему огневые шарики прыгали именно сюда. Отодвинула сундук. В углу на уровне пола зияла дыра, как будто кто просверлил ее широким буром, а стружки тщательно вымел все до одной.

Через дыру виднелись земля и кирпичи фундамента. Что-то блестело там. Пришлось лечь на пол, чтобы рассмотреть, что же это такое. Там блестела шляпка металлического гвоздя...

Снаружи хаты я подползла под пол и нашла металлический стержень. Раскачала его рукой и вытащила из земли.

В нем не было ничего необыкновенного. Железный, простой на вид стержень длиной сантиметров сорок и толщиной с карандаш. Только верхний, оставшийся на поверхности земли, широкий конец казался отполированным до блеска.

За чаем в то утро я раздумывала. Как просто и как вместе с тем странно! Кольцо, огненные шарики, молнии, стержень... А что, если между ними существует какая-нибудь связь? Маловероятно. Скорее всего, это простые случайности, рассыпанные жизнью...

Но вот в голове мелькнуло смутное предположение...

После чая я взяла стержень и заколотила его в землю на пустыре за садом, там, где кончалась изгородь.

Это место и кусок рощи с изгибом речонки были отлично видны из маленького оконца в сенях.

V. Грохотов

В следующие дни не произошло ничего загадочного и таинственного. От хозяйки я узнала, что стержень она заколотила сама для заземления, так как хотела провести радио. Нашла у речки железный прут и заколотила его под углом хаты. А радиоприемник рассчитывала купить к осени. Я замяла разговор и никому не сказала, где теперь заземлен стержень. Я и не предполагала тогда, что сама втягиваю себя в какую-то таинственную игру.

Тот памятный день выдался ненастным. Хозяйка уехала на Урал к родным месяца на два, оставила меня одну. Часто накрапывал дождь. Только позже, за полдень, прояснилось. Я разучивала монолог Жанны д'Арк, как вдруг Альфа и Омега разразились неистовым лаем.

Вышла на крыльцо. У калитки стоял среднего роста человек в кепке, кожаной куртке и высоких охотничьих сапогах. Через плечо на ремне висела желтая потрепанная походная сумка. Собаки мои яростно лаяли и бросались на него. Но человек спокойно сказал им что-то, и псы, немножко поворчав, умолкли.

– Разрешите укрыться от дождя? – попросил он, увидев меня. – И дайте мне, пожалуйста, глоток воды.

– Входите, товарищ, – предложила я.

– Спасибо, девушка, – сказал незнакомец, подходя к крыльцу.

Мы поздоровались.

– Я – профессор Грохотов, Степан Кузьмич. Извините, беспокою, но я немножко заблудился, – вымолвил он.

Накрапывал дождь, и я пригласила Грохотова войти в комнату. Грохотов моложав и статен. Вероятно, бреется каждый день. На лице чуть заметные морщинки. Понравилось мне, что он четко, по-военному, будто по давней привычке, вскинул правую ладонь к козырьку и глянул мне прямо в глаза. Когда я пригласила его, он опять вскинул ладонь и отозвался вежливо:

– Благодарю вас! Простите, не расслышал вашего имени и отчества.

– Зовите меня Танек.

– Слушаюсь, – поклонился он. Поласкал собак, улыбнулся: – Отличнейшие псы...

Я смотрела на плотную, крепкую фигуру Грохотова.

Он показался мне похожим на охотника, который забыл дома ружье. Давно уже не видела я новых людей, и моему самолюбию польстило знакомство с профессором. Предложила ему выпить стакан чаю и начала хозяйничать. Сначала Грохотов отнекивался, но по выражению его черных глаз я видела, что ему хочется побыть здесь. Оказался приятным собеседником.

– Полагается занимать дам, – сказал он, добродушно поглядывая на меня. – Не думайте, что я охотник. Признаться, не люблю этого занятия. Меня можно считать путешественником. Я ведь чуть ли не весь Союз исколесил... буквально... На колесах всех сортов – на железнодорожных, автомобильных, велосипедных, на телегах и на арбах. А сколько верхом: на лошадях и верблюдах, на быках и буйволах, сколько на своих на двоих – и не сосчитать!

Было интересно слушать Грохотова, и я вздумала угостить его заодно с чаем оладьями-скороспелками.

Грохотов рассказывал, как на родине, под Рязанью, у них в семье на кухне жил замечательный черный кот.

– Редкостный экземпляр. Звали его Кисюка-Масюка, – смеялся Грохотов. – Папаша мне бывало с ним фокус показывал.

– Какой фокус? – спросила я, подкладывая Грохотову поджаристых оладьев.

– Да как же... Начнет папаша в темноте Кисюку-Масюку железным гребешком чесать, а у того из шерсти искры, искры.

– Это от электричества, – смеялась я.

Вероятно, по выражению моего лица Грохотов догадался, что мне очень хочется подробней знать о должности путешественника, который обязан колесить по земле, и он сказал:

– Изучаю кое-какие любопытные вопросы. Ими интересуется наука. А я служу науке...

– Что же интересного для науки в этой степи? спросила я.

Грохотов медленно вытер губы салфеткой. Мне показалось, что он пользуется этим, чтобы ответить не сразу и обдумать свои слова.

– Как вам сказать? Я возглавляю небольшую экспедицию одного столичного института. Нас интересует метеорологические и некоторые другие данные этого района, – очень медленно и серьезно произнес Грохотов.

Я промолчала, хотя и чувствовала, что он ждет; чтоб больше говорила я. Пришлось сказать:

– Лето здесь очень жаркое.

– Вот-вот, – подхватил Грохотов. – Именно. Я здесь уже два месяца, работаю почти рядом, вон там за рощей, и ни разу не собрался в поселок, такая жарница... А сегодня с утра пасмурно, это мешало наблюдениям, я и решил прогуляться по степи. Да вот, как видите, попал сюда.

Пока разговаривали, погода разгулялась, и мы придумали перебраться пить чай в сад. Благодарствовали за самоваром, а Грохотов продолжал рассказывать о своей передвижной лаборатории за рощей.

– Вокруг ни души. Жили там втроем, как отшельники. Я с лаборантом да еще одна сотрудница. Очень хорошая девушка, комсомолка. А теперь нас двое. Варя расхворалась и спешно уехала. Такая досада! Надо срочно переписывать ведомости, а некому. Почерк у меня корявый, а у моего помощника Симона еще хуже. Знаете, цифры надо писать четко. Уехала, и мы без нее, как без рук. Горе луковое, как говорится...

Грохотов хвалил все, что попадалось ему на глаза: пчел, псов, яблони. Восторгался медом, просил продать «хоть черепушечку».

– Угощу помощника... Пусть возвеселится, а то ведь мы живем по-походному. Консервы, сухари... Ездить в район за продуктами времени нет. Одним словом, такая несчастная наша планида.

Особенно понравилась ему Альфа.

– Украду я этого пса у вас, – шутил он. – Не продадите?

Потом разговор опять переметнулся на то, что некому переписывать ведомости в экспедиции. Грохотов осведомился о моем образовании. Пришлось мне вскользь коснуться биографии. И тогда он вдруг спросил:

– Может быть, согласитесь нам помочь?

Я пожала плечами. А Грохотов чуть не вскочил со стула в неподдельном восторге:

– Идея!.. Выход из положения!

– Да сумею ли? – потупив глаза, пробормотала я, хотя самой мне страшно хотелось побывать за рощей, посмотреть, что там за экспедиция.

– Наверное, по чистописанию имели только пятерки, – польстил мне Грохотов. – Не стесняйтесь. Похоже, боитесь, что за работу засажу и не дам передышки. Не беспокойтесь! Деньги буду платить, как хотите, сдельно или аккордно. Не обижу...

И принялся доказывать, что, кроме меня, какие-то ведомости в экспедиции составлять некому.

Взяв маленький горшочек с медом. Грохотов направился по степи напрямик к своей роще. Я проводила его. На прощание он взял с меня слово, что завтра явлюсь к нему ознакомиться с работой.

Расстались. Грохотов удалялся неторопливой походкой бывалого ходока. Помню, солнце отсвечивало от блестящей пряжки на его кепке. И почему-то я прошептала:

– Веселый ежик!

Улыбаясь, в тот момент я невольно вспомнила острые глаза Грохотова и жесткие, ершистые, коротко стриженные волосы его, черные-черные, один к одному, только с проседью над левым виском.

Что за человек? Я чувствовала к нему невольную симпатию. Все казалось в нем простым и естественным. Я в первый раз в жизни так близко видела ученого. Вероятно, это очень интересно – быть ученым. И тут подумалось:

«А вдруг я делаю ошибку, собираясь стать артисткой?» Вспомнились слова папы: «И для искусства нужны знания...» Как сложна жизнь!..

Медленно двигалась я домой.

Солнце коснулось края степи. По ней побежали прощальные мягкие лучи. В далеких ковылях протяжно крикнула невидимая ночная птица. От реки тянуло пряной влажностью трав...

VI. Полевая станция ЭИВР

Грохотов сидел на табурете за походным столиком против меня и просматривал очередные ведомости.

– Прекрасно, – сказал он. – Для вас это только скучный ряд непонятных цифр. По вашим же глазам вижу, хотите узнать, что они значат.

– Да, – ответила я, выдерживая строгий его взгляд.

Кузов большого грузовика защищал нас от полуденного солнца. Вот уже несколько дней, как я по утрам прихожу сюда, в степь, за рощу. Могучие дубы и ясеня скрывают низину с речкой, за которой расположен поселок.

По середине холма возвышается тонкая антенна в виде устремленной в небо острой металлической иглы. Ее удерживают тросы, которые укреплены на врытых в землю столбиках. От антенны проволоки идут в один из домиков. Зачем – не знаю. Я еще не бывала внутри.

Мои обязанности несложны. Грохотов вручает мне узкие полоски бумаги, испещренные рядами цифр. Записаны они, видимо, наспех, карандашом, торопливым, не очень разборчивым почерком. А я должна переписать их чернилами. Вернее, как можно аккуратнее скопировать в разграфленные ведомости, чтобы получались стройные таблицы. В заголовке их – слова, значения которых я не понимаю, а в левом верхнем углу штамп с таинственными буквами: ЭИВР.

Я не пытаюсь расшифровывать их, чувствуя, что Грохотов сам расскажет все необходимое, когда присмотрится ко мне. Казалось, этот момент наступит скоро...

Грохотов сложил мою работу, спрятал исписанные листки в портфель.

– Симон!

Над нашими головами раскрылось окошко домика. Показалось лицо помощника. Он немногословен. Скосил на Грохотова большие черные глаза, буркнул:

– Эге?

Тот протянул ему портфель.

– Положите на место.

Симон взял портфель жилистой могучей рукой, произнес:

– Ага.

И захлопнул окошко.

Ни разу я не слыхала, чтобы Симон сказал связную фразу. У него манера говорить только: «ага, эге, ого, угу», причем он придает одному и тому же слову самые разнообразные оттенки.

Грохотов продолжал пытливо смотреть на меня.

– Если не очень спешите, оставайтесь позавтракать с нами, – предложил он. – Кстати, познакомьтесь ближе с Симоном.

– Мне было бы приятно помочь вам и в приготовлении завтрака, – сказала я, вставая.

– Ну, это не так сложно, как полагаете, – мягко отозвался Грохотов, взглянув на ручные часы. – Двенадцать двадцать четыре по местному времени. В Москве мои друзья еще только просыпаются... Симон!

– Окошко снова распахнулось. Послышалось:

– Эге?

– Парадный завтрак в честь Тани. Срок изготовления – шесть минут.

– Угу! – чуть усмехнулся Симон и захлопнул окошко. Через секунду он пробежал мимо к другому домику, прыгнул в дверцу сразу через все ступеньки, крикнул:

– Ого!

– Приглашает заняться делом, – кивнул на Симона Грохотов. – У нас рассчитан каждый жест... Раз-два!

Мне не пришлось ничего делать, оставалось только смотреть и удивляться. Откидной столик и два сиденья ловко вмонтированы в стенку домика. Грохотов откинул их и подставил табуретку. Сервировка на три персоны производилась молниеносно, будто передо мною работали цирковые жонглеры. В гнезде столика торчали два штепселя. Вот моментально включены электроплитки. Консервные банки Грохотов откупорил особым ножом с острозубым колесиком на толстой ручке. Колесико завизжало, словно миниатюрная циркулярная пила, и это напомнило мне районную лесопилку у нас в горном лесничестве.

– Суп с мясом, – сделал любезный жест Грохотов, поставив банки на плитки. – А на второе... Симон! Угощаешь?

– Ага!

Симон вынес сковородку. Грохотов потер руки:

– Ухитрился вчера подстрелить дикого гуся. Вчера же половину и съели... Симон у нас мировой охотник... А хлеба хватит?

– Ого... – развел руками Симон, показывая, что хлеба много.

Завтрак был чудный. Никогда я не предполагала, что в консервных банках может находиться столько разнообразных вкусных вещей. Главное же, все подогревалось и кипятилось моментально. В поселке электричества не было. Откуда же оно у Грохотова?

Мое торжество наступило после завтрака. Даже Симон широко раскрыл глаза, увидев, как быстро я управилась с посудой. Я все перемыла, вычистила ножи, вилки, ложки, перетерла тарелки. Захотела пошутить и как-то невольно многозначительно сказала Грохотову:

– Ага!

Грохотов засмеялся, а Симон утвердительно кивнул головой.

В тот день Грохотов вызвался проводить меня. Он спросил, когда отошли от грузовиков:

– Вы, наверное, собираетесь учиться дальше?

– Да, – ответила я, соображая, какое направление может принять наш разговор. Я совсем не собиралась подробней рассказывать этому профессору мою несложную биографию дочери лесничего, которая мечтает стать знаменитой актрисой.

– В какой же вуз хотите поступить?

Я мельком взглянула на Грохотова. У него такой вид будто спрашивает меня только потому, что не находит другой темы разговора. Мы шли по опушке рощи. Грохотов поднял тонкий прутик и изредка сбивал им головки полевых цветов.

– Ни в какой.

Прутик застыл в воздухе. Грохотов остановился на полушаге:

– Как так?

– Очень просто, – потупила я голову. – Мне не так много лет, как кажется. Сама еще не знаю, какая специальность по душе.

– Понимаю, – серьезно сказал Грохотов. – Выбор специальности – нелегкое дело. Кто ваши родители?

– Не все ли вам равно? – спросила я, стараясь придать этому небрежному ответу возможно больше мягкости.

– Простите, я не из простого любопытства...

Мы пошли совсем рядом. Грохотов стал почему-то расспрашивать меня, как я отношусь к футболу. Это мне показалось скучным.

Мелкую речонку у рощи мы перешли вброд. Это прервало рассуждения Грохотова о спорте. Вероятно, он ждал, что я попрошу его продолжать. Но я считала, что на первый раз достаточно сказанного.

– Спасибо, что проводили, – просто и наивно вымолвила я.

Грохотов понял и попрощался.

Поднимаясь от речки к поселку, я на полдороге обернулась. Увидела, что Грохотов успел перейти на тот берег и теперь стоял, очевидно, в ожидании, что я с ним попрощаюсь.

Сдернув с головы пестрый шелковый платок, я помахала им.

Грохотов увидал и в ответ поднял руку. До меня донеслось:

– Ау!

VII. Опять огненные бусы

Я могла бы побродить по поселковым дворам и узнать у словоохотливых хозяек что-нибудь о Грохотове, но не хотела делать этого.

По-видимому, моя работа по переписке близилась к концу.

Чувствуя себя нездоровой, я утром не пошла за рощу. А вечером, как и в тот памятный раз, сидела у омшаника.

И опять голубоватый огнистый шар покатился от реки.

Я увидела его совершенно отчетливо. Он катился по траве. Вернее – вкатывался на пригорок. Двигался по совершенно прямой линии к моему саду.

Помня о первом знакомстве с этими загадочными шарами, я не шелохнулась. Но шар не докатился до самой изгороди, а исчез на пустыре.

Вечер стоял безветренный, тихий и теплый. Только здесь, в степи, бывают такие вечера. Но в те минуты я уже не наслаждалась отдыхом. Напряженно вглядывалась я в силуэт рощи. Второй шар в точности повторил путь первого...

Тонкий серп новой луны показал из-за яблонь серебряные рожки и пропал. Всю ночь я просидела у омшаника. Когда легкий утренний туман поднялся над речкой, я осторожно прошла в хату. Глянула в оконце:

– Да, в том месте...

Болела голова, но я выпила крепкого чаю, и сразу стало легче.

Придя к Грохотову, я нашла его озабоченным.

– Таня, – сказал он тихо, – мне кажется, что я могу рассчитывать на вашу помощь...

Помнится, в ответ я слегка пожала плечами и сдвинула брови. Интересно знать, что я могу сделать для профессора? Мне, пожалуй, и хотелось бы помочь ему. Но история с кольцом была достаточным предупреждением, чтобы научить меня относиться осторожно и серьезно к случайным просьбам.

– В чем дело? – почти сухо пробормотала я.

Он ответил не сразу. Потом заговорил робко:

– Не смею сказать, Таня, что мы подружились. Это с моей стороны было бы слишком самонадеянно и неуместно. Прошу лишь верить моей искренности. Как руководитель научных работ, имею некоторый опыт в выборе помощников. За эти недели я успел приглядеться к вам. И мне думается, из вас выработался бы прекрасный научный работник...

– Но я хочу стать артисткой, – громко перебила я Грохотова.

– Разве наука помешает вам? – спросил он.

И я почему-то вспомнила слова отца об искусстве.

– Мне хочется, чтобы вы помогали мне и дальше. Помогали в очень интересной работе...

– Что я должна делать?

Грохотов остро посмотрел мне прямо в глаза. Взгляд этот я выдержала. Грохотов сказал:

– Я поспешил поговорить об этом с вами сегодня. Возможно, нам придется неожиданно расстаться. Но, может быть, вы поступите учиться в технический вуз...

Я снова пожала плечами:

– Не знаю, в какой области техники пригожусь...

– А это вы сейчас сможете сообразить, – чуть усмехнулся Грохотов. – Одно только для меня важно... Согласны помогать? Согласны быть помощницей в научной работе?

Я тряхнула кудрями. Чем рискую?

– Согласна, профессор.

– Прекрасно.

Грохотов поднялся по лесенке и раскрыл дверцу в домик.

– Пожалуйста... Здесь наш Симон...

Послышалось:

– Эге!

Единственная комната домика была заставлена непонятными мне приборами. Симон, повернув ко мне из-за них свое горбоносое лицо, слегка улыбнулся и кивнул.

– Проверяем работу одного приспособления, – сказал Грохотов, – показывая на разные рычаги и кнопки. Видите, в какой мы тесноте? Эти аппараты автоматически записывают физические явления, которые происходят в окружающей нашу станцию атмосфере, записывают круглые сутки. Записи мы расшифруем у себя в институте. Но часть, наиболее интересную, записываем, я или Симон, на бумаге. Вот эти цифры вы и переписываете начисто...

В то утро работы было мало. Провожая меня. Грохотов спросил:

– Вы, кажется, плохо спали эту ночь? У вас очень усталый вид...

– Пришлось встать сегодня несколько раньше, – отпарировала я показавшийся мне хитрым вопрос.

– А вот Симон может не спать по пять суток, – сказал Грохотов.

– Он что, не умеет говорить, ваш Симон?

– Ему скучно в степных краях. Родился в горах и скучает здесь, как орел в клетке...

Эти слова напомнили мне мои горы.

– Я тоже родилась в горах... – сказала я с нежностью.

Вернувшись домой, я прошла на пустырь. Выдернула стержень, отсчитала сто шагов влево, если смотреть от омшаника, и снова заколотила стержень в землю. Потом села у омшаника, на глаз определила местоположение заземления, запомнила его. И с нетерпением стала дожидаться вечера.

Снова спустилась летняя ночь. Рожки месяца за сутки выросли. Он пободал ими розовое облако над горизонтом и быстро скатился вниз, спеша за солнцем.

Голубоватый шар перепрыгнул через рошу и, вероятно, попав в речку, пропал. Мне подумалось: «А если это только кажется?»

Легонько крикнув собак, я подошла к изгороди. Теперь был виден спуск в низину. Я оперлась об изгородь, вглядываясь в сгущающиеся сумерки. И опять новый голубоватый шар покатился по траве. Он не спеша вкатывался вверх из низины.

– Альфа... Омега... – позвала я собак. – Смотрите... там...

Собаки увидели шар. Рукой я почувствовала, как на Омеге встала дыбом шерсть. Собаки взвизгнули и убежали, а шар двигался ближе. Вот он добрался до пустыря и исчез.

Мне захотелось похлопать в ладоши и крикнуть; «Браво, Татьяна!» Таинственный огнистый шар исчез как раз в том месте, где я заземлила стержень.

Надо действовать дальше.

Рано утром я взяла с полки первую попавшуюся тетрадку, свернула ее в трубку, перевязала обрывком тесемки и пошла в степь. Тетрадку я держала под мышкой. Тетрадка была тяжела. И немудрено: в ней помещался металлический стержень. Ему теперь предстояло совершить небольшое путешествие подальше от пустыря и от роши.

Бескрайная степь начинала уже Пылать полуденным зноем. Нелегкую работенку придумала я на сегодня. Но ее надо сделать обязательно. Я не особенно спешила. Надо для стержня выбрать наиболее подходящее местечко, а там увидим.

Туманным пятнышком маячил на горизонте поселок Волчий Лог. Перейдя через мостик, двигалась я по еле заметной тропинке среди выжженной, нескошенной травы. Ветер приносил густой аромат степной полыни. Направо остались роши и бугор, где крохотными силуэтами вырисовывались домики Грохотова. В мои планы не входило, чтобы меня оттуда заметили. Огляделась. На всем пространстве кругом ни одной живой души. Я прошла чуть вправо от тропинки. Теперь я находилась от роши примерно на том же расстоянии, что и моя хата. Я

заземлила стержень в приметном местечке среди высокого желтого ковыля. Сделала это очень быстро и прежним неторопливым шагом свернула влево, где тянулась грунтовая дорога на Волчий Лог.

Идя к Грохотову на работу, я придумывала, что сказать ему, если он заметил мою утреннюю прогулку по степи. И тут, раздумывая, вспомнила о предсмертной воле отца. Как это не пришло мне раньше в голову осведомиться у Грохотова о человеке, которому адресован пакет? Ведь Грохотов – профессор и, вероятно, укажет, как нужно действовать.

Когда меня в этот вечер провожал Грохотов, я сказала ему о пакете. Упомянула о Дымове. Грохотов остановился и пытливо посмотрел на меня. Но это продолжалось только мгновение. Глаза его приняли обычное выражение благожелательности.

– Дымов – мой хороший знакомый, – сказал Грохотов. – Принесите пакет завтра. Я жду с часу на час, что ко мне приедет из института сотрудник. С ним я отошлю материалы, а заодно он захватит и пакет вашего отца для Дымова.

– Какая специальность у этого профессора? – спросила я.

– Он занимался изучением высоковольтных разрядов, – ответил Грохотов. – Вы знаете, что это такое?

– Нет, – ответила я тоном полнейшего безразличия.

На следующий день я принесла пакет моего отца и вручила Грохотову. И вскоре вернулась домой. Я пишу об этих кажущихся мелочах так подробно потому, что они важны для дальнейшего.

Под вечер я мечтательно смотрела на красивый двурогий месяц и думала, как мне завтра узнать поподробнее о Грохотове и Дымове. Месяц скрылся в облачке у горизонта. Я внимательно смотрела по направлению к роще и влево от нее, где теперь заземлен стержень. Но там все спокойно. Голубой свет не появлялся.

* * *

Рано утром меня разбудили голоса на улице. Через окно долетел мужской голос, рассказывающий что-то очень интересное. Подошла к окну и прислушалась.

– Сам видел, собственными глазами. Был я в Волчьем Логе, то да се, смотрю: уже поздно. К приятелю зашел. «Оставайся, говорит, ночевать, куда тебя ночью понесет!» А я не из трусливых. Темноты, что ли, бояться! Ночь не страшная. Хоть и половинка луны, а светит. Выехал из Лога, оттуда до нас рукой подать. Дорога ровная, светло, правда, не очень, но видать. А вокруг – тишина, воздух легкий. Привалился я бочком, вожжами пошевеливаю. «Ах, – думаю, – и до чего у нас тут хорошо...» И, тьфу, словно сам себя сглазил. Глянул налево, да так и обмер. Он самый и катит...

– Кто? – спросило сразу несколько женских голосов.

– Да шар! Большой такой – с дыню! Весь огненный.

– Да тебе представилось!

– Сначала и сам так подумал. И огонь какой-то чудной. То в синеву, то в голубизну ударяет. Оторопь взяла. А потом думаю: «Постой, это что за явление?» Попридержал лошадей, смотрю. Шар – ко мне. Будто бежит до степи, виляет, как заяц.

– Где было-то?

– Да около тропинки в ковылях.

Я жадно слушала.

– И провал сразу, будто ветром сдунуло, – досказывал рассказчик. – А лошади испугались. Ка-ак дернут вперед! Я даже затылком о задок приложился. «Тпру, черти!» – кричу. А они домой, домой... во все восемь ног.

Вероятно, к рассказчику подошли новые слушатели, он повторял снова все в подробностях.

– Скажете, приснилось? А я готов хоть сейчас то место показать, куда шар провалился. Подпрыгнул, завертелся, во все стороны – искры! Фукнул, а потом – раз!.. И ничего нет.

Так день начался неожиданностями.

VIII. Исчезнувшая антенна

Собираясь к Грохотову, я обдумывала случившееся. Если из своей походной лаборатории Грохотов с Симоном выпускали огненные шары, то эти шары ведь повиновались мне, вернее, железному стержню, который я заземляла в трех местах: огненные шары каждый раз неукоснительно меняли свое направление. На почему шары не притягивались другими железными предметами? Следует ли прямо рассказать Грохотову о моих наблюдениях и о том, что произошло сегодня ночью в степи?

Я приняла более осторожное решение. Постараюсь, чтобы мне подробнее рассказали об аппаратах, с которыми работал Симон. Может быть, все станет яснее.

Я перешла речку. Сейчас за поворотом, как обычно, будет видна игла антенны. Но теперь я не увидела ее. Антенны не было.

Я пробежала через рощу. Вот знакомый холм. Он пуст. Грузовиков с домиками не было на месте. Они исчезли!

Я стояла ошеломленная. Глубокие колеи взбороздили вершину холма. И больше ничего, – никаких следов пребывания людей. Даже столбики для тросов, которые поддерживали антенну, пропали. Трава кругом вытоптана, но нигде ни клочка бумаги, ни одной консервной банки. Лишь на склоне холма в яме увидела я выжженную траву, как будто здесь недавно разводили костер.

Все это было уже больше, чем просто интересно.

Мне показалось, что я стою перед какой-то большой тайной. И захотелось ее раскрыть. Что здесь крылась тайна – в этом не было ни малейшего сомнения.

Я посмотрела, куда вели колеи обоих грузовиков. Да, не позднее сегодняшнего раннего утра Грохотов и Симон покинули место стоянки.

Направление – прямо на запад.

А там, примерно в ста километрах отсюда, проходил большой шоссейный тракт, связывавший центр республики на севере с пустынным плоскогорьем на пограничном юге.

Погруженная в размышления, шла я по степи прямо к тому месту, где в последний раз заземлила стержень.

Вот и бугорок, где качается высокий золотистый ковыль. Желто-серый степной суслик-песчаник сидел на задних лапках и что-то жевал. Он удивленно повернул ко мне свою крысиную мордочку. Песчаники здесь не очень пугливы.

За бугорком должен быть стержень. Но я знала, что не найду его.

Вероятно, я громко рассмеялась, довольная, что вышло по-моему. За бугорком ковыль лежал безжалостно растоптанный, как будто по нему много и долго ходили люди в тяжелых сапогах. Вот вырванная с корнем трава. Вот и место, куда я загнала в землю стержень.

А самого стержня не было.

– Любопытно, – сказала я себе. И вдруг в ответ услышала позади себя тонкий свист. Вздогнула. Быстро обернулась. Посвистывал суслик. – Вот напугал! – обозлилась я. Подняла ком сухой земли и кинула в зверька. Суслик испуганно бросился в свою норку.

Следы ног в сапогах вели налево, к речке. Я не пошла туда. Для меня было вполне достаточно и обнаруженного.

Ясно, что я перехитрила Грохотова. А может быть, лишь навела его на мысль, что кто-то третий знает про его фокусы с огненными шарами. И тогда он счел необходимым, по ему одному известным соображениям, убраться отсюда со своими таинственными грузовиками.

Помнится, где-то я читала, что нет такой тайны, которую нельзя было бы в конце концов раскрыть. Надо только продумать все обстоятельства в строгой последовательности и сопоставить их.

Домой я возвращалась с самым беспечным видом. Поселковые ребяташки с удивлением смотрели на огромный букет пышного ковыля, который, я насобираала на обратном пути. Этот букет в красной глиняной крынке украсил мою скромную комнату.

В этот день, к вечеру, находясь в сенях, я случайно выглянула в оконце. То, что увидела на пустыре, заставило меня застыть на месте.

По тем местам, где я дважды зарывала железный стержень, сейчас проходил неизвестный мне человек и пытливо смотрел себе под ноги, как будто искал потерянное.

Проще всего было выйти из сеней и окликнуть этого человека. Но я не сделала этого. Я наблюдала за ним. А он прошел, и вот повернулся уже ко мне спиной. Я не видела его лица. Заметила лишь широкую спину, сумку через плечо и высокие сапоги на упористых медвежьих ногах. Это не Грохотов, не Симон. Человек медленно удалялся от поселка в степь, не оглядываясь. Он смотрел вниз, в землю. Большая круглая его голова в кепке была наклонена вперед, как у быка. Он не пошел к роще. Роща осталась влево от него. Он словно описывал вокруг памятной мне рощи огромный полукруг. Вот он и совсем исчез вдаль.

В памяти моей встали, как живые, стройные дубки рощи, песчаный берег мелководной речки и тропинка на взгорье. И почему-то глубоко и непривычно взгрустнулось.

«А вдруг кто-нибудь еще подстерегает сейчас у крыльца?» – подумалось мне. Ясно, что я видела того самого человека, который вытоптал заросли ковыля в степи. Стержень покоился в его сумке, – я была в этом уверена. Конечно, сейчас этот человек проверял местность вокруг рощи: не было ли там еще стержней.

Я вышла в сад. Меня тянуло посмотреть вслед исчезающему вдаль человеку. И вдруг ко мне, виляя хвостом, откуда-то приползла Омега. У нее был очень жалкий и странно-испуганный вид. Она тихо и жалобно скулила.

– Кто тебя обидел, собаченька? – поласкала я Омегу.

Омега – умная собака. Она залаяла в ответ, как бы жалуясь, и бросилась по тропке между деревьев. Останавливалась, поворачивала ко мне морду и лаяла, звала за собой. Я спешила за Омегой. Скоро ее лай сменился протяжным печальным воем. И я увидела, над чем выла Омега.

Около поломанной изгороди на пустыре лежала мертвая Альфа. Признаться, я немножко даже всплакнула.

Первой моей мыслью было, что собаку убили, и я подумала: кто сделал это? Да, убил человек с медвежьими ногами. Но я видела, что он проходил спокойно и не трогал собак. Да и не слыхала я их тревожного лая.

Опустившись на колени, я погладила труп животного. Альфа не успела еще остыть. На ее теле не было ни одной царапины. Почему она умерла? Опять загадка...

Надо зарыть бедную Альфу.

Я вернулась с заступом. Но трупа Альфы не нашла на прежнем месте. Труп исчез. Я растерянно оглядывалась по сторонам. И вдруг услышала отчаянный лай. В радостном возбуждении ко мне бежали обе собаки – и Альфа и Омега.

Ах, если бы собаки могли рассказать, что же такое произошло с ними на пустыре!

Помнится, я спросила себя вслух:

– Татьяна, не кажется ли тебе, что ничего не было?

Эта назойливая мысль не оставляла меня все то время, пока я у порога хаты кормила объедками воскресшую собаку.

* * *

А неожиданности, отпущенные в тот день на мою долю судьбой, не кончились.

Смеркалось. В полумраке комнаты я нашла коробку спичек. Пора было зажечь лампу. Обе собаки крутились около моих ног. Они знали, что подошло время ужина. Я вынула

спичку и чиркнула ею о коробок. Спичка вспыхнула. И при свете ее я увидела, как Альфа и Омега в диком ужасе выкатили глаза и тотчас же с визгом выскочили из хаты.

А ведь никогда раньше зажженная спичка не производила на моих собак ни малейшего впечатления.

Много раз подолгу мучительно раздумывала я над тем, что сейчас изложила вам в этих строчках, мой друг... И бывало вдруг ярко вспомнятся сияющий жаркий день в городе, на берегу Зеленого озера, и пышные букеты пунцовых роз, и потрескавшиеся бетонные ступени крыльца таинственного дома, и странная встреча с незнакомцем.

Была ли связь между этими событиями?

Снова и снова припоминала я все детали таинственных происшествий, случившихся со мной в последнее время, и из отдельных штрихов составлялась картина, которая казалась все фантастичнее и невероятнее...

Вспомнилось, как сидела я на палубе Парома, как мимо прошел человек в кепке. У него тяжелая, неуклюжая походка. А если здесь был он, человек с медвежьими ногами? Нет, не, может быть... А если человек с медвежьими ногами рыскал по следам Грохотова? Надо бы известить Грохотова. Но Грохотов исчез... Где он? Я ждала от него хотя бы открытки. Не дождалась... Пришлось сознаться, что у этого человека не хватило простого товарищеского чувства. Он уехал, даже не попрощавшись. Я не могла проследить за ним. В то время я готовилась к экзаменам в театральную школу и собиралась ехать в большой город.

Телеграмма-молния пришла неожиданно:

«Срочно выезжайте Саялы важное дело деньги переводятся Грохотов».

В ту ночь я не ложилась спать. По карте в большом сельскохозяйственном календаре нашла, местечко Саялы. Это далеко на юге среди гор. Послать отказ? Или, распрощаться с мечтами о театре? Что ждет меня впереди? Трудности? Испытания? Я не боюсь их.

Утром с почтой мне принесли деньги. Такую сумму, которой я никогда раньше не имела а своем распоряжении.

На переводе – точным маршрут. Решила ехать: добраться до столицы республики, а там сесть в поезд.

И вот я в экспрессе, который мчится на юг.

ЧАСТЬ 2

ОХОТНИКИ ЗА МОЛНИЯМИ

IX. Среди снеговых гор

Утром на горизонте показались далекие горные вершины. Только тот, кто подолгу жил среди гор, сможет понять чувство трепетной радости, которое овладело мною, когда ближе увидела их очертания. Я родилась среди иных гор, и мне было теперь вдвойне интересно познакомиться с нашей солнечной союзной республикой, о которой я слышала так много хорошего.

Степь кончилась. Становилось все теплее. Я думала о том, что наш дальний поселок сейчас заливают дожди и люди там ходят в непромокаемых плащах, а здесь на станциях все в легких одеждах.

На платформе черноглазая горянка продавала цветы.

Я купила пучок нежных фиалок. Раскрыла сумочку, чтобы достать деньги. Однако монетка завалилась за подкладку сумочки. Я запустила туда палец. И нащупала... кольцо.

Кажется, я тут же вскочила обратно в вагон, растеряв цветы. Ни о чем я не могла думать, кроме кольца. В смятении я забила в угол двухместного купе. Моя спутница, почтенная женщина, ехавшая лечиться на курорт, тихо лежала на верхней полке, погруженная в свои думы.

Я смотрела на кольцо. Надела его на указательный палец правой руки – оно мне было свободно. Старинный мужской перстень, судя по весу – золотой, но без пробы. Сложнейший рисунок шел вокруг центральной плоской печатки – тонкие завитушки и листики. На печатке монограмма: две причудливо сплетенные буквы – «М» и «Л».

И тут я отчетливо вспомнила, что в тот момент, когда увидела мертвые глаза незнакомца, я раскрыла сумочку и запихнула туда кольцо. А затем в моей памяти получился какой-то странный провал. В поселке сумочка мне не была нужна. Я забыла о ней и вспомнила только перед отъездом.

Чем больше я смотрела на кольцо, тем интереснее становилось припоминать события, которыми одарила меня судьба. А что, если и правда существует связь между кольцом и всем тем, что случилось со мною в поселке? Я сняла с полки чемодан и спрятала в него перстень.

Предстояла последняя пересадка. Пересаживаться пришлось на узкоколейку. Крохотный паровоз, пыхтя и отдуваясь, тянул три открытых вагончика вверх по извилистой колее. На каждом повороте открывались виды, один очаровательнее другого. То и дело нависали огромные серые скалы, готовые, кажется, обрушиться и раздавить наш игрушечный поезд. Но паровозик храбро проскакивал под ними. Временами мы двигались по краю ущелья, на дне которого бурлила и пенилась горная река. Смотришь вниз – и кружится голова... Становилось холоднее. Я жалела, что не купила бараний тулуп и шапку-ушанку.

Наконец поезд уперся в тупик у скромной станции Саялы. Беспомощно озиралась я вокруг, раздумывая, куда теперь деваться. Дошла ли телеграмма, предупреждавшая Грохотова о выезде?

– Товарищ Таня! – услышала я рядом. – С приездом...

Передо мною стоял Симон, улыбающийся, совсем не похожий на угрюмого, неразговорчивого человека, каким он был там, в степях.

Он рассказал, что, получив телеграмму, каждый день честно выходил встречать поезд, что Грохотов с нетерпением ждет меня, что сейчас мне надо отдохнуть с дороги... Обычные фразы, которыми встречают гостя.

Саялы – небольшое горное селение, расположенное в одном из юго-западных отрогов главного хребта. Уютная долина, защищенная со всех сторон высокими горами, примечательна минеральными источниками. Они бьют здесь из скал, как фонтаны, и каждый из них своеобразен по химическому составу и температуре. Словно нарочно, щедрая природа собрала в этой долине все оттенки лечебных вод – от горько-соленых до приятно освежающих углекислых, от холодных до горячих. Эти подробности я узнала позднее, но пишу сейчас, чтобы вы знали, мой друг, куда забросила меня судьба.

Симон сказал:

– Переночуете тут, в Саялах, отдохнете. Вам готова комната, а завтра мы должны выехать ровно в пять утра. Умеете ездить верхом? Отлично. Мы должны проехать далеко в горы, к профессору, не позднее одиннадцати. Позже нельзя.

– Почему?

– Опасно.

– Что вы говорите! Опасно?

Улыбнувшись, Симон отрывисто ответил:

– За час до полудня начинаются грозы. Путь в горы свободен только по утрам.

Мне оставалось только улыбнуться. Я не хотела, чтобы меня считали трусихой. Симон одобрительно взглянул на меня.

Вдруг он сказал:

– На работе я предпочитаю говорить коротко. Но это не значит, что вообще я – угрюмый...

– Что вы, что вы, товарищ Симон, – насколько только могла, любезно отозвалась я.

Вот мы у цели. Двухэтажный дом с плоской крышей прислонился к уступу горы. Рядом громоздился большой огороженный двор, похожий на склад. Тут возвышались кучи ящиков и бочек, строительные материалы, гусеничные тягачи и еще что-то очень тяжелое и сложное, похожее на отдельные части металлических конструкций. Приветливая женщина встретила нас. Симон внес мой чемодан в комнату и ушел. Женщина предложила мне искупаться в сарае под душем. Это было замечательно. Из скалы на дворе бил ключ горячей воды. Вода была приятная, очень мягкая, и я с наслаждением промыла мои густые кудри.

В горной Долине быстро и рано темнеет. После ужина я легла в свежую постель, размышляя о том, что судьба устраивает мне интересные встречи. И первое, что решила, – это не быть излишне любопытной и назойливой.

Когда женщина разбудила меня, за окнами было еще темно. Сон меня освежил, и я вскочила в прекрасном, бодром настроении.

Долина лежала в предутренних сумерках. Верхом на поджарых, тонконогих лошадях я и Симон стала подниматься в горы. Давно я не ездила верхом. И теперь казалось, что еду с отцом, как, бывало, в дни его объездов по лесничеству. Ни с чем несравнимое чувство ожидания охватило меня. Скорее бы подняться на перевал, увидеть оттуда горные просторы!

Дорога привела в лес. Дубы и буки стояли почти сплошной стеной. Стало как будто еще темнее. Напряженно всматривалась я вперед. Передо мной неторопливо двигался Симон. На нем была бурка. Такая же бурка была на мне. Как под ней тепло и удобно!

И вдруг лес кончился. Его опушка ровной, словно по нитке срезанной, линией тянулась в обе стороны. Перед моими глазами расстился поднимающийся вверх луг, по которому вилась узкая каменистая тропа. Слева из-за далекого снегового хребта готовилось подняться утреннее солнце.

Я натянула поводья и приостановила лошадь. Нельзя было не залюбоваться открывшейся картиной. Удивительное безмолвие гор очаровало меня. Полной грудью вдохнула я в себя живительный воздух. Какая тишина!..

Мы поднялись выше по тропинке. Симон, ехавший впереди, вырисовывался темным силуэтом на фоне прозрачно-синего неба. Солнце как раз встало и я увидела необычайное зрелище, на которое указал мне Симон широким взмахом руки.

Х. Странное сооружение

Много раз потом пришлось мне путешествовать и видеть изумительные ландшафты. Сколько прочитала я восторженных описаний красот природы Индии, островов Тихого океана и Южной Америки! Но до сих пор помню тот миг, когда впервые увидела место, ставшее родиной величайшего из открытий.

Небольшая полотая долина, покрытая зеленым бархатом густых трав, отделяла меня от горы. Вокруг нее красовались четыре другие совершенно одинаковые вершины. А вдали, во все стороны от этого пятигорья, виднелись снеговые скалистые громады, как мощные стражи, охраняющие очарование открывшегося видения.

Снега искрились на дальних вершинах, будто щедро рассыпанные алмазы. Контур гор вырисовывались со строгой четкостью. А зелень лугов между ними ласкала мягким, умиротворяющим теплом.

– Вот наша станция, – указал Симон.

На куполообразной центральной вершине увидела я строения, показавшиеся мне знакомыми. Две высокие мачты, будто иглы, вонзались в небо. Такие же мачты возвышались на каждой из четырех гор, расположенных вокруг центральной вершины.

– Что это за мачты? – спросила я.

– Степан Кузьмич, вероятно, подробно познакомит вас со всеми деталями, – уклончиво ответил Симон.

Этот ответ показался мне лучшим, чем ожидаемое «ага», но все же мало объяснил. Следовало, видимо, смягчить этого суховатого человека, который умел быть по-настоящему отзывчивым. Искренне вздохнув, я вымолвила:

– Но как красиво здесь!.. Милые горы...

И тогда Симон посмотрел на меня тем теплым, доверчивым взглядом, которого я ожидала, и отозвался:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.